

Дискурсы этики. 2021, 2(12): 93—108

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_2_12_93-108.pdf

УДК 17

ТРАДИЦИЯ И МОДЕРН: ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Шаов А. А., Куров Н. З.

статья:

поступила в редакцию 28.09.2021

принята к публикации 23.12.2021

опубликована (онлайн) 29.12.2021

© Шаов Асфар Аскерович

доктор философских наук, профессор

ведущий сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (АРИГИ), Россия

адрес для корреспонденции: asfarshaov@mail.ru

© Куров Нурбий Заурович

магистрант Факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанского Государственного Университета, Россия

адрес для корреспонденции: bnurbi@gmail.com.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Нарастание в современном глобализирующемся мире модернизационных процессов в унификационном формате оказывает деструктивное давление на всю архитектуру традиционного общества, размывая базовые социоинтегративные этические основания. Соответственно, этические регуляторы востребованы в ситуации самодостаточности каждой отдельной культуры, которые ищут пути сохранения и реализации своей уникальной исторической судьбы. Истоки устоявшейся культурной традиции следует искать в архетипах Памяти как социально-культурного праксиса, сохранивших свою первозданность в своих творческих рекордах. Объективируясь в социаль-

ном времени и пространстве, они сохраняют аутентичную морфологию культуры. Данная примордиальность культурно-исторических паттернов не должна восприниматься как отживший себя рудимент, поскольку ее отсутствие формирует социально-психологические ситуации, в которых человек оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к плюральным аксиологиям, а следовательно, не может зафиксировать самоидентичность своего сознания и себя как личности.

Ключевые слова: традиция, модерн, цивилизация, культура, история, событие, память, этический консенсус.

Discourses of Ethics. 2021, 1(11): 93—108

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_2_12_93-108.pdf

TRADITION AND MODERNITY: PROBLEMS OF ETHICAL CONSENSUS

Shaov Asfar, Kurov Nurbiy

received 28.09.2021

accepted 23.12.2021

published (online) 29.12.2021

© Asfar A. Shaov

Doctor of Science in Philosophy

Leading employee of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research named after T. M. Kerasheva (ARIGI), Russia

Correspondence to: asfarshaov@mail.ru

© Nurbiy Z. Kurov

Master's student of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Russia

Correspondence to: bnurbi@gmail.com.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The growth in the modern globalizing world of modernization processes in a unified format exerts destructive pressure on the entire architectonics of traditional society, eroding the basic sociointegrative ethical foundations. Accordingly, ethical regulators are in demand in a situation of self-sufficiency of each individual culture, which are looking for ways to preserve and realize their unique historical destiny. The origins of the well-established cultural tradition should be sought in the archetypes of Memory as a socio-cultural praxis that have preserved their primordially in their creative records. Objectifying in social time and space, they preserve the authentic morphology of culture. This primordially of cultural and historical patterns should not be perceived as an obsolete rudiment, since

its absence forms socio-psychological situations in which a person is unable to clearly fix his position in relation to plural axiologies, and therefore cannot fix the self-identity of his consciousness and himself as personality.

Keywords: tradition, modernity, civilization, culture, history, event, memory, ethical consensus.

«Историки фальсифицируют прошлое, идеологи — будущее»

Жарко Петан, словенский писатель,
сценарист, режиссер, афорист.

[Цит. по: Этическая мысль, 1992: с. 148]

Проблема оппозиции «традиция-модерн» закономерно вышла за границы академических дискуссий и ввиду актуальности своей повестки приобрела не только исследовательский, но и практический интерес со стороны широкой общественности. Речь идет об экстраполяции концепта модерна, который позиционируется как семантическое основание безальтернативного планетарного будущего, где утверждается западноевропейский мировой порядок как результат историко-цивилизационного прогресса. Адепты процесса радикального обновления подают модернизацию как имплицитное условие развития общечеловеческой цивилизации в лоне технологического прогресса и экономического успеха, предполагая, что этическим базисом данного мироустройства выступит секулярная этика «человека экономического». Традиция же как религиозный базис человеческого бытия нивелируется до уровня культурного рудимента, нашедшего свое второе рождение в анахронизмах темного прошлого и поэтому социетально интерпретируемая как деструктивное препятствие на пути к светлому общечеловеческому будущему.

В этой связи оппозиция «традиция-модерн» нами рассматривается в контексте исторического формирования цивилизационной нормы западного проекта как безальтернативный миропорядок для всего преимущественно традиционного незападного мира. Прежде всего, этот проект направлен против соционормативной системы традиционной культуры как институциональной основы существования этноса,

этноязыкового пространства как инструментальной основы общества и религиозной системы аксиологического позиционирования как ментального базиса этнокультурного кода этноса.

Посредством идей просвещенческого секуляризма и вытекающей из его логики модели рациодетерминизма были сформулированы доктринальные положения цивилизационной нормы европоцентризма. В контексте данной нормы была учреждена ее секулярная этическая составляющая как неизбежный инструмент фундирования мира по западному образцу. И действительно, современность все больше осмысливается не просто в своем вестернистском варианте, который скорее маскировал изначальное глубинное онтологическое единство модерна, подталкивая исследовательскую мысль в направлении ложного выбора — между позитивными модернизационными трансформациями и негативными процессами вестернизации. Таким образом, нарастание модернизационных процессов в унификационном формате оказывает деструктивное давление на архитектуру традиционного общества, размывая базовые социоинтегративные этические основания.

«В этой ложно выстроенной темпоральности лежит не просто идея изменения, эволюции и прогресса, а присущая только европейской цивилизации абсолютно расистская установка на принуждение к духовной трансформации. Финализация данной трансформации сводит человеческую природу к природе в целом, таким образом, снимая строгие и необходимые границы между человеком и животным, человеком и машиной, мужчиной и женщиной и прочие; этот антропологический реквием и есть признание того, что сама природа является искусственной сферой, открытой всем новым мутациям, смешениям, гибридизациям. Ультимативный режим механизма трансформации — это и есть расизм, поэтому неверно, на наш взгляд, искать объяснения европейскому расизму только в полярных основаниях, присущих современным и постсовременным теориям и практикам, сводя их к онтологическим упрощениям. Более того, незападные цивилизации представлялись примитивными и ограниченными, что служило оправдани-

ем для западной цивилизаторской экспансии». [Шаов А. А. 2019: с. 450]

В этой связи мы поддерживаем тезис о том, что каждая культура самодостаточна, ищет пути сохранения и реализации своей уникальной исторической судьбы. Истоки устоявшейся культурной традиции следует искать в архетипах Памяти как социально-культурного праксиса, сохранивших свою первозданность в своих творческих рекордах. Объективируясь в социальном времени и пространстве, они сохраняют аутентичную морфологию культуры. Данная примордиальность культурно-исторических паттернов не должна восприниматься как отживший себя рудимент, поскольку ее отсутствие формирует социально-психологические ситуации, в которых человек оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к плюральным аксиологиям, а следовательно, не может зафиксировать самоидентификацию своего сознания и себя как личности. В ситуации взаимного исключения исторической личности и внеисторической возникает неизбежный онтологический зазор непостижимости мира, приводя человека к бессилию в потенциальной возможности уловить невероятную сложность бытия, включающего в себя и непримиримое, отразить его диалектику, многозначность, вариативность, позволяющие максимально приблизиться к первовеществу самой жизни.

Вследствие противостояния «традиция-модерн», исторический дискурс оппозиционирует себя как апологитический рупор модерна фундирует призыв игнорировать Прошлое, забыть себя в нем. Напротив, Прошлое в традиции идентично морали и противопоставляет себя Истории этически. В связи с этим Память понимается как переживание Прошлого, а историческая наука как изучение фактичности приводит к разрыву с Памятью как воспоминанием. Возникает закономерный вопрос — Прошлое или История что является подлинным опытом Памяти?

В этом контексте, европейская историческая наука как самостоятельная научная дисциплина начало свое восхождение в 19 веке в значительной степени опираясь на достижения немецкой классиче-

ской философии, в частности, она развивалась в контексте кантианской гносеологической установки априорного условия знаний, что значит, что человеку даны в готовом виде способности познания реальности априорно (в виде непостижимых идей), это телесный материальный аспект познания, когда взгляд исследователя направлен на объект, он мысленно возвращает этот объект к до предметному состоянию, но в рефлексивном акте опредмечивает, овеществляет его и таким образом, делает его объектом своего познания.

Но область познания предметного лежит в пространстве беспредметного или до предметного, оно не познается, а ее достоверность переживается, поэтому Память переживается как беспредметное. Историческая наука изучает строго рациональным методом фактичность бытия, путем обращения к прошлому как вещам, предметам, т. е. историческим фактам преобразуя Память как до предметное или беспредметное в факты истории. Поэтому изучение истории в границах европейской науки приводит зачастую к разфокусировки идентичности, изымая из Памяти переживание о Событие и обрекая ее на забвение. В единстве переживаемого События, обуславливающего Память обретает свою легитимность самостоятельность единство воли как единого и цельного бытия. Изучение Истории, в отличие от воспоминания о Прошлом, предполагает извлечение и локализацию исторического факта и последующего поиска его рационального осмысления. Однако сам факт несет в себе субъективный интерпретационный посыл, приводящий к семантической диссеминации. Изучение Истории как обнаружение и обоснование исторического факта не имеет объективного онтолого-эпистемологического решения. Соответственно, объективность факта, как считается, не заканчивается в попытке его интерпретировать, напротив, объективность исторического факта уже при первом когнитивном шаге определено субъективно.

В этом смысле, если человек или народ в целом, в какой-то момент столкнется в своем прошлом, в своей Памяти с тем, что не рационализируется, что не поддается опредмечиванию и овеществлению это приводит его в состояние ужаса, боли нанося травму такой силы и

разрушения, что лишает человека и народ экзистенциальной перспективы.

Травма — это Событие как точный жест подающий знак Памяти в переживании тотальности бытия, поэтому возвращение через воспоминание предшествует предметности исторического факта и от этого непроницаемо в акте изучения Истории. Подлинность заархивированного в Памяти События доступно в тождественности акта переживания настоящего травмируемого памятью о прошлом. В ином случае, в отсутствие этически легитимного Прошлого у человека или народа нет места в этом мире, нет собственной идентичности обусловленной самостоятельностью единства воли. Событие объективно течет из Прошлого, а исторический факт диктуется волей познающего субъекта. Прошлое удерживает в Памяти самые важные События, а история необходимые факты. История публична и потому доказывается от того и диктуется, а Прошлое приватно и потому доверительно и от того высказывается.

Система жизнедеятельности человека в контексте его традиционной культуры служит для него первичной средой развития с ее базовыми принципами свободы и солидарности как доверия и преданности. Каждый из этих принципов манифестирует различные ракурсы человеческого бытия, существующие как нерасторжимо связанные в действительности. Традиция кодирует мотивационные, эмоциональные целостные образы, фиксируя иерархически организованные взаимодействия в пределах установленных этических норм, выставляя пределы границам рациональности. В свою очередь рациональность модерна интерпретирует традицию как механизм генерации спонтанности, реализующийся в передаче последующим поколениям жестко стандартизованных форм поведения, конкурирующий с символическими репрезентациями тех аспектов реальности, к которым нет непосредственного доступа. Разрушение традиционных нормативно-аксиологических шкал, сопряженное, соответственно, с ниспровержением традиционных авторитетов предстает в качестве этико-онтологического хаоса в правовой, экономической, социально-

культурной сферах, которые поддерживаются лишь безличной и абстрактной связью, не индивидуализируется никаким Высшем Принципом.

Суверенность автономна и не отражает доминирующих социальных конвенций и властных иерархий. Модерн предоставил человеку возможность выхода за границу этничности и тем самым обнулil историческое самосознание. В модернистской парадигме современное государство легитимирует индивида через акт признания согражданственной идентичности. Экспансионизм европоцентризма усилился просвещенческим прогрессизмом, подчиняющем себе круговорот объективной тенденции в бесконечной смене одних цивилизаций другими. Императивы Просвещения не допускают ритмики и круговоротов Событий Прошлого, отказывают Памяти в сохранении идеи исторической судьбы, все это объявляется лишь вариантами историко-философского мистицизма. Универсализм западноевропейской цивилизации делает невозможным какие-либо ретроспекции, требующие рассмотрения прошлых состояний культуры и знания при максимально возможном приближении к их аутентичному своеобразие и специфике. Поэтому, этничность в модерне лишена права принимать суверенные решения относительно своего собственного существования, во всяком случае, оно было сильно ограничено и репрезентировалось в определенных культурных пределах. Таким образом, этничность потеряло способность к потенциальному, публичному аргументированию легитимации этнического пространства. В более широком политическом контексте циркуляции этничности не гарантирована неочевидностью своего статуса. Все это увеличивает пропасть между воспроизводством этничности и ее публичной демонстрацией. Этничность в модерне по инерции иницируется политическим порядком, но не становится его частью. С разрушением модерна осознается и разрушение традиционной культуры, перед представителями которой возникает ряд непростых вопросов. Кто выступает представителем этничности или, кто от имени этничности представляет ее в публичном пространстве? Через какие символы говорит традиционная культура? Кто

эта Фигура, представляющая этническому сообществу пространство для самореализации и определяющая правила, которым оно должно добровольно подчиниться. На разных исторических этапах, в разной степени этнос способен самостоятельно осознать и раскрыть свой культурный потенциал. Однако, без относительно к данной способности, представители этнического сообщества легитимированы — языком, общей историей, верой, территорией и т. д. Именно эти культурные маркеры очерчивают границы между Своим и Чужим, указывая на то, что между ними нет связующего общего прошлого. Культурный нормативный контекст учреждал этничность в ее собственных аутентичных границах. Именно установление культурной нормы гарантировало отдельным членам сообщества адекватно воспринять и осмыслить этническое пространство, в котором они находятся.

Этническое пространство обусловлено философией традиции, которая выражает собой практическое измерение этносферы и связана с таким поведением человека которое позволяет обрести определенность в бытии как способность взять на себя ответственность к действительной объективации целей и смыслов. Таким образом, под влиянием философии традиции формируется такая этноонтологическая, реальность мира в которой отображен этнический взгляд, направленный на понимание самих себя. Соответственно, философия связана с общим пониманием этноса себя в этом мире. Очевидно, что Прошлое в противовес Историческому время, формировала этничность с его непосредственным опытом этнобытия в котором отсутствовал путь концептуального познания, что предопределило в качестве способности постижения реальности традиционной культуре утвердить практические этические нормы как критерий и признак своего собственного присутствия.

В древних цивилизациях будущее конституировано закономерным финалом, чаще всего апокалиптическим. Будущее было неподвластно человеческим ожиданиям. Современная глобальная цивилизация постоянно пересматривает свои ожидания, сублимируя их в бесконечных вариантах прогнозируемого будущего. Соответственно, возникает

вопрос, являются ли Память, Прошлое, и История семантически тождественными понятиями? С учетом того, что История и Прошлое попеременно оспаривают свои притязания на обладание Памятью.

История — это псевдоуниверсальная эпистема западноевропейского мышления, служит для рационалистического самооправдания западной цивилизационной нормативности, для учреждения своих собственных правил и законов мышления, несущих в себе кризис исторических идеалов, вызванный невозможностью их реализации. История имманентна и материальна в выражении своих ценностей, а Прошлое трансцендентно, ритуально подчинено собственным ценностям. История бальзамирует, Прошлое одухотворяет, История — это сперва опыт, затем отношение, Прошлое — это сначала отношения, а после опыт, История реставрирует, Прошлое сохраняет, История надеется, Прошлое уповает.

Прошлое не субъективно, оно эсхатологично, потому что вытекает из будущего, нейтрально ко всему прошедшему, в отличие от Истории. Прошлое объективировано Памятью, в отличие от субъективного исторического взгляда. История детерминирована методологическим каркасом причинно-следственных связей, история эксплуатирует идею «объективного факта», игнорируя его очевидную субъективность, поэтому однажды взяв в заложники Прошлое, история «насилует» Прошлое выбивая из Памяти признания. Прошлое оперирует Памятью как памятными Событиями, а история фактами, между двумя историческими фактами История прокладывает ангажированные субъективные посылки нанизывая их в произвольном порядке на историческую нить. В этом контексте История колонизирует Прошлое, вытравливая Память как Событие, вбивая События в заведомо сконструированные хронологические пазлы исторической картины мира. Традиция соотносит себя с Прошлым и той Памятью о Событиях, из которых оно соткано, из больших и малых, близких и далеких. Поэтому Событие можно уподобить замороженному взгляду, обескураженному бескрайней далью и неизведанностью мириада звезд на небе, которые открываются тому, кто не просто ощущает звездный небосвод над собой и

нравственный закон внутри себя, а для кого сами звезды несут в себе порядок нравственного закона и осознание связи себя с этим самым законом.

Таким образом, единение общности, ее онтологическая цельность, как духа народа, может избежать культурной раздробленности благодаря объединению вокруг воспоминаний о переживаний Событий, которые сплетают судьбы людей в единое повествование, оставляя свой след на их судьбах, вот почему это еще и важная часть нашей личной истории, забывая которую мы со временем утрачиваем понимание самих себя. Как человек без Памяти лишен биографии, а значит и будущего, так народ обречен на забвение, без способности проживания Событий Прошлого. Память — это контакт, встреча, сближение, по сути, слияние с прошлым. Прошлое — это ментальная цепочка образов, озаренная яркими вспышками значительных Событий. Напротив, исторические факты прессуют историю, в отличие от событийных слайдов, которые высвечивают на экране жизни самые важные фрагменты Памяти. Извлекая из них уроки, мы освобождаемся от Истории, пытаясь понять, что ожидает народ впереди и то, что уже сегодня угрожает Памяти стать забвением.

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего», цитата великого русского ученого М. В. Ломоносова по истине верно характеризуют значимость исторического знания. [Баумбах С.О., Воронкин А.В. 2016: с. 2]

Современные тенденции ведут общество к индивидуализации ее членов, созданию принципиально иной системы ценностей. [Бауман З. 2005: с. 11]. Что отмечает британский социолог Зигмунт Бауман в своей работе «Индивидуализированное общество».

Индивидуализация доводит человека, до отрицания роли социума, как фактора, влияющего на его поведение и регулирующего нормы поведения в рамках общества. Для преодоления данных деструктивных тенденций важно обратиться к историческому опыту.

На Кавказе исконно поликультурном регионе для преодоления различных разногласий и создания прочных социокультурных связей

существовал институт куначества. [Куров Н. З. 2021: с. 78] В рамках традиционного общества веками декларировались и исполнялись в практике системы сбалансирования интересов различных социальных и этнических групп, предотвращая нарушение хрупкого межкультурного порядка — консенсуса.

Примеры, исходящие из традиции, устоявшихся веками норм могут являться мощным потенциальным ресурсом ретрансформации современного быстро меняющегося мира. Достижение успехов в деле диалога культур позволит по-иному взглянуть на процессы происходящие в обществе предотвратить опасные, девиантные изменения в нем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исторический опыт, а значит и знание истории, анализ событий прошлого позволит моделировать жизнь, опираясь на сформированные нормы бытия избегать чужих ошибок и не совершать своих.

Список литературы

1. Шаов А. А. Чужой/Другой/Свой. — Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2019. — 608 с.
2. Цит. по: Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. Ред. А. А. Гусейнова. — М.: Республика, 1992. — 446с.
3. Баумбах С.О., Воронкин А.В. История как наука (теория и философия истории. Морфология истории) // Инновационная наука. 2016. №8–3.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М. Логос, 2005. — 390 с.
5. Куров Н. З. «Куначество», как феномен поликультурного общества Краснодарского края. Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации национальных проектов-2030: сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Краснодар, 11 ноября 2021 года. — Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2021. — 253 с.

Шаов А.А., Куров Н.З.
Традиция и модерн:
проблемы этического консенсуса

References

1. Shaov A. A. Alien / Other / Own. — Maykop: Magarin O.G., 2019. — 608 p.
2. Quoted. Quoted from: Ethical thought: Scientific-publicist. reading. 1991 / Common. Ed. A. A. Guseinova. — M.: Respublika, 1992. — 446s.
3. Baumbakh S.O., Voronkin A.V. History as a science (theory and philosophy of history. Morphology of history) // Innovative science. 2016. No. 8-3.
4. Bauman Z. Individualized society. — M. Logos, 2005. — 390 p.
5. Kurov NZ "Kunachestvo" as a phenomenon of the multicultural society of the Krasnodar Territory. Cultural and scientific and educational strategies for the implementation of national projects-2030: a collection of materials from the III International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, November 11, 2021. - Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 2021. — 253 p.